

Развитие нового направления — дело, безусловно, важное, но Гоудань считал, что торопиться не стоит. Спешка в серьезных делах лишь вредит, все нужно делать взвешенно и постепенно.

На данном этапе главным оставались предварительные исследования и тщательная подготовка.

Именно этот основательный подход выгодно отличал Гоуданя от большинства отечественных коммерсантов. В те годы многие новоиспеченные дельцы вели дела нахрапом, полагаясь лишь на слепую удачу и грубую силу. Экономический подъем конца девяностых вскружил им головы, породив опасную иллюзию, будто любое, даже самое нелепое начинание гарантированно принесет золотые горы.

Действительно, на первых порах они умудрялись срывать солидный куш. Им завидовали, их уважительно именовали нуворишами. Однако стоило в частный бизнес прийти образованным людям, как правила игры кардинально изменились. Рынок стал более зрелым, цивилизованным и требовательным. Прежние грубые схемы перестали работать, лишая вчерашних богачей былой прибыли, а то и вовсе приводя к банкротству. На смену им пришли настоящие предприниматели — и хотя те и другие занимались торговлей, суть их деятельности различалась принципиально.

Сейчас, когда в коммерцию хлынули интеллектуалы и высококлассные специалисты, вернувшиеся из-за границы, прежние топорные методы ведения дел окончательно изжили себя.

Гоудань не сомневался: пройдет еще несколько лет, и те выскочки, кто поднялся на волне слепого везения, но так и не сумел перестроиться, окажутся выброшенными на обочину жизни. Как минимум половину из них безжалостно сметут новые, куда более подготовленные конкуренты.

Пока что он решил отложить эти бесчисленные хлопоты в сторону. В конце концов, для этого у него теперь были молодые, амбициозные и зубастые кадры, готовые грызть землю ради успеха. Благодаря содействию Се Сюэ Гоуданю удалось заполучить в штат несколько ценных специалистов из числа бывших экспатов и выпускников престижных вузов. Кто-то успел поработать за рубежом, кто-то учился на родине, у каждого хватало своих плюсов и минусов. Главное — правильно расставить их по местам.

В тысяча девятьсот девяносто восьмом году Ли Сы снова собрался в дорогу. Вместе с женой, госпожой Яо, и маленьким Ли Бэйшэном, которому вот-вот должно было исполниться три года, он отправился в столицу. Гоудань и Ван Сюань уже давно не показывались в родных краях — даже на Новый год ограничивались денежными переводами да посылками с деликатесами.

Конечно, хлопоты со вторым сыном отнимали у Ли Сы прорву времени, заставляя вертеться ужом и слегка притупляя тоску по первенцу. Но телефонные разговоры не могли заменить

живого общения. Ли Сы до боли скучал по старшему. Сын разменял уже четвертый десяток, а о женитьбе даже слышать не желал — от этих мыслей у отца сердце кровью обливалось.

Ли Сы уже разменял седьмой десяток. Гоудань навсегда останется его первенцем, его главной гордостью и заботой, но старик с каждым годом все яснее понимал простую истину: выросшего птенца в гнезде не удержишь.

Раньше, как бы Гоудань ни вертелся в колесе бесконечных дел, он разбивался в лепешку, но выкраивал несколько дней, чтобы приехать на праздники к отцу. Иногда Ван Сюань сам забирал старика в столицу. Но теперь у Ли Сы появилась новая семья — жена и младший сын. Гоудань рассудил, что отец больше не одинок, и перестал так сильно за него переживать. Если работы наваливалось слишком много, он не спешил возвращаться домой, предпочитая тратить редкие свободные дни на то, чтобы побыть наедине с Ван Сюанем.

Приезд Ли Сы вместе с шустрим двухлеткой мигом перевернул все в доме вверх дном. Роскошный коттедж, конечно, уступал по площади просторному сельскому двору и бескрайним просторам полей, но для маленького ребенка и этого пространства хватало с избытком.

Полы здесь были выложены сияющим кафелем — чистые, гладкие, катайся и ползай сколько душе угодно. Бэйшэн, который в силу младенческого возраста не помнил своего первого визита в столицу, взирал на всю эту красоту с диким восторгом. Для него вилла превратилась в огромную неизведанную пещеру, полную тайн.

Ли Сы то и дело ловил сорванца на лестнице, не пуская на второй этаж. Старик панически боялся, что мелкий разгромит кабинет Гоуданя, разобьет какую-нибудь дорогую безделушку или пустит на клочки важные рабочие документы.

Когда Гоудань переступил порог дома, его оглушил залиvistый детский визг. Не успев разуться, старший брат мысленно схватился за голову. Деревенская детвора всегда отличалась богатырским здоровьем и неумейной энергией — сам Гоудань в детстве был тем еще бесенком. Стало ясно: новообетенный братец унаследовал эту семейную черту в полной мере и явно рос знатным шkodником.

В проеме кухонной двери показалась улыбающаяся голова Ван Сюаня. Тот увлеченно стряпал ужин, а заодно спасался от царящего в гостиной хаоса.

В их с Ван Сюанем тихой гавани никогда не водилось подобных ураганов. Бэйшэн, несмотря на то что родился недоношенным, благодаря заботе и хорошему уходу окреп удивительно быстро. К первому году жизни он уже ничуть не уступал сверстникам, а теперь, откормленный на домашних харчах, превратился в упитанного, крепкого крепыша.

Энергия из него была ключом. Каждый раз, глядя на этот пышущий здоровьем пухлый комочек, Ли Сы невольно вспоминал маленького Гоуданя — тощего заморыша с огромной головой на тоненькой шейке. От этих воспоминаний у старика до сих пор щемило сердце. Хотя старший сын и не жаловал их частыми визитами, он никогда не забывал присылать отцу

лучшие продукты и деньги, так что недостатка в доме не знали.

Собственно, именно поэтому Ли Сы и решил собраться в дорогу. Пора было проводить старшего.

Бэйшэн рос крепким и смышленным малым — деревенские старожилы не ошиблись в своих прогнозах. Прежний невзрачный младенец, которого Гоудань в шутку называл земляным бататом, превратился в симпатичного ребенка с умными, блестящими глазками. При виде Гоуданя в его взгляде вспыхнуло неподдельное любопытство.

Гоудань разулся и удивленно приподнял бровь.

«Ишь ты, — пронеслось у него в голове, — неужто храбрец растет?»

— Бэйшэн, — обратился к малышу Ли Сы, — это твой старший брат. Помнишь, как дома ты без конца твердил, что хочешь поехать к нему в гости? Вот мы и приехали. Ну же, поздоровайся с братом.

Малыш перевел взгляд с отца на Гоуданя, затем резко развернулся и бросился к Ли Сы. Он обхватил его ногу руками и уткнулся лицом в отцовское бедро, упорно отказываясь показываться и подавать голос.

Гоудань разочарованно усмехнулся.

«Пф, обычный трусишка», — хмыкнул он про себя.

— Как долетели? — поинтересовался Гоудань, проходя в гостиную.

— Да отлично, сынок. Аэропорт сейчас стал куда просторнее и удобнее, не то что раньше.

Ли Сы все-таки уже старел. Побегав за шустрым малым, он заметно запыхался и теперь тяжело дышал.

Разговаривать было неудобно: Бэйшэн мертвой хваткой вцепился в отцовские брюки, мешая сделать даже шаг. Ли Сы с кряхтением отцепил его от себя.

— Ну и что ты заладил? Чего молчишь, как партизан? Дома только и разговоров было, что про поездку к брату. А А-Сюаня встретил — так сразу защебетал. Почему старшего-то не приветствуешь?

Малыш украдкой глянул на Гоуданя круглыми блестящими глазенками и тут же снова спрятался за отца.

Гоуданя эта пантомима позабавила. Реакция у малого была что надо.

— Бэйшэн, — позвал он с улыбкой, — а ну-ка иди сюда, дай погляжу, насколько ты вымахал.

— Иди-иди, поговори с братом, — мягко подтолкнул его Ли Сы.

Мальчишка упирался изо всех сил: выгибал спину, отклонялся назад и смешно сопел, отказываясь делать шаг вперед.

Он надул пухлые щеки, всем своим видом выражая смесь обиды и испуга. Гоудань протянул руку и аккуратно притянул его к себе.

— Ну что, нравится тебе у брата в гостях? М?

Но Бэйшэн лишь молча таращился на него, упорно храня молчание, а стоило Гоуданю повторить вопрос, попытался вырваться. Как раз в этот момент из кухни вышел Ван Сюань с тарелкой нарезанных фруктов. Почувствовав, что хватка старшего брата ослабла, малец стрелой метнулся к вошедшему и спрятался за его широкой спиной, намертво вцепившись в брючину.

Гоудань только хмыкнул.

Ван Сюань, глядя на эти маневры, не выдержал и негромко рассмеялся.

— Он у вас прямо как зверек дикий, — с улыбкой заметил Ван Сюань, ставя тарелку на столик. — Чует, видать, от кого исходит угроза. Дети ведь — они как радары, все улавливают. Когда я пришел, он с меня глаз не сводил, а стоило отцу намекнуть, как тут же засыпал меня своим «братик то, братик се». Дядя Ли говорил, что дома они часто показывали ему наши фотографии, так что образ «старшего брата» у него в голове засел крепко.

— И где же вся эта спесь? — Гоудань покачал головой. — Волосенками-то на голове обзавелся, а вот смелости не накопил.

Ван Сюань мягко извлек беглеца из своего укрытия и усадил на диван.

— Пригляди за ним пока. Мы с тетужкой Яо закончим на кухне. Наша повариха, тетужка Цзян, сегодня отпросилась, — повернувшись к малышу, он добавил: — Бэйшэн, посиди здесь с братом, поешь фрукты. Скоро будем ужинать, хорошо?

Малыш попытался было увязаться следом за Ван Сюанем, но тот мягко преградил ему путь в кухню. Бэйшэн кинулся к отцу, но Ли Сы лишь ласково подтолкнул его обратно к дивану, велел налаживать отношения со старшим братом.

Оставшись без поддержки, ребенок сжался в комочек. Он выглядел донельзя несчастным и даже боялся поднять глаза на Гоуданя.

С того самого момента, как старший брат вошел в дом, Бэйшэн вел себя словно мышь перед сытым котом — притих, съежился и только робко теребил край рукава, напоминая робкую молодуху в чужом доме.

Гоудань, по правде говоря, к малышам особой нежности не питал. Попытавшись расшевелить мелкого пару раз и не получив в ответ ничего, кроме испуганного сопения, он быстро потерял к нему интерес. Виделись они действительно редко — фотографии на годовасие Ли Сы присылал почтой, а если не считать первых дней после рождения Бэйшэна, братья не провели вместе и часа.

В детстве сам Гоудань был несносным сорванцом, да еще и с изрядной долей хитрости. Но чужая гиперактивность его утомляла, и возиться с чужими капризами он не любил. Впрочем, поведение младшего брата его вполне устраивало — малец сидел смирно и не доставлял хлопот.

Главное — не орет, а уж как заставить его замолчать, если начнется истерика, Гоудань придумал бы быстро. Он потянулся к журнальному столику, взял свежий выпуск финансовой аналитики и углубился в чтение. В гостиной воцарилась тишина, нарушаемая лишь глухим стуком ножей и звяканьем посуды из кухни.

Бэйшэн зажал в кулачке сочную дольку груши и принялся тихонько ее посасывать. Голову он так и не поднял, но глаз со старшего брата не сводил. Безудержный деревенский заводила в одночасье превратился в тишайшего ангелочка.

До самого ужина братья так и не обмолвились ни словом.

В родной деревне Бэйшэн привык быть пупом земли. Ли Сы и госпожа Яо души в нем не чаяли, так что за столом он обычно устраивал целые представления, а родители лишь беспомощно улыбались. Ли Сы отродясь не поднимал руку на детей — даже когда Гоудань в детстве откровенно нарывался на взбучку, отец ни разу на него не прикрикнул. Под старость лет он стал еще мягче, а мачеха и подавно не смела перечить любимому сыночку.

И тут — такое чудо: мальчишка молча и усердно уплетал рис, не проронив ни крошки. Настоящее диво!

Ли Сы лишь умилялся, списывая непривычную покладистость сына на робость перед незнакомой обстановкой. Старик рассудил просто: ребенок впервые в чужом месте, вот и стесняется.

Зато госпожа Яо прекрасно видела истинную причину: ее домашний любимец просто сообразил, что попал в логово тигра, и предпочел не отвечивать.

Да что там ребенок — она сама, когда впервые увидела Гоуданя и Ван Сюаня, оробела до полусмерти. Никогда в жизни она не смела строить из себя мачеху-хозяйку. Дело было не только в ее шатком положении, но и в давящем авторитете этих молодых людей.

Даже сейчас, спустя годы, старший сын Ли Сы внушал ей благоговейный трепет. Он мог молчать, но от одного его присутствия перехватывало дыхание. Особая, тяжелая харизма — госпожа Яо не умела выражаться красиво, но чувствовала, как под этим взглядом плечи сами собой ссутуливаются, а голос переходит на шепот.

Человеческая аура — штука загадочная. Бывает, человек держится просто и мягко, но перечить ему никто не решается. А другой из кожи вон лезет, пытаясь казаться грозным, но за версту видно, что внутри у него пустота.

Впрочем, кровь — не водица, да и негоже взрослому мужчине соперничать с трехлеткой. Покончив с ужином, Гоудань достал из пакета коробку с новенькой радиоуправляемой машинкой и протянул Бэйшэну, который устроился на коленях у матери:

— Держи, это тебе. Батарейки я уже вставил, иди играй.

Дома у Бэйшэна игрушек хватало — Ван Сюань регулярно присылал гостинцы, но все больше заводных птичек да пластмассовых черепашек. Даже такой скромный арсенал вызывал у деревенской ребятни зависть до слез. Мальчик ни в чем не знал отказа, и госпожа Яо часто повторяла, что сын родился под счастливой звездой.

Но эта машинка... Когда яркая игрушка покатила по блестящему кафелю гостиной, у Бэйшэна аж дух захватило.

Однако спрыгнуть на пол он не решался. Ему безумно хотелось потрогать чудо-технику, но страх перед грозным старшим братом перевешивал. Гоудань с забавным чувством наблюдал, как малец то и дело косится на него, безмолвно ища поддержки у отца и матери. Стоило старшему брату демонстративно отвернуться, как Бэйшэн коршуном слетел с маминых колен, сгреб машинку обеими ручонками и крепко прижал к груди.

Спустя полчаса игра увлекла его настолько, что от былой робости не осталось и следа. Новенький автомобиль полностью завладел вниманием маленького исследователя.

Пока госпожа Яо прибирала со стола и мыла посуду, Ли Сы негромко позвал Гоуданя и Ван Сюаня подняться на второй этаж для разговора.

Гоудань сразу понял: у отца накопился серьезный разговор. Переглянувшись с Ван Сюанем, он мысленно кивнул сам себе. Пора было расставить все точки над «и».

<http://bllate.org/book/19654/1996866>